

·thebigbook·

РОЗАМУНДА
ПИЛЧЕР

ВОЗВРАЩЕНИЕ
ДОМОЙ

Книга 1

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
П 32

Rosamunde Pilcher
COMING HOME
Copyright © 1995 by Robin Pilcher, Fiona Pilcher, Mark Pilcher
and Philippa Imrie
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского Андрея Никифорова

Оформление обложки Владимира Гусакова

Пилчер Р.

П 32 Возвращение домой. Книга 1 : роман / Розамунда Пилчер ; пер. с англ. А. Никифорова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 672 с. — (The Big Book).
ISBN 978-5-389-16604-2 (книга 1)
ISBN 978-5-389-16603-5 (комплект)

«Возвращение домой» — один из лучших романов Пилчер. Его знают во всем мире благодаря многочисленным изданиям на разных языках и знаменитому телесериалу. История взросления Джудит Данбар, юной девушкой оказавшейся в разлуке с семьей и вынужденной идти по жизни самостоятельно, не может не покорить читательские сердца. Дружба с богатой сверстницей, общение с кругом аристократов, первая любовь, первые разочарования, война, служба в BBC Великобритании, встреча с тем единственным человеком, который входит в твою жизнь навсегда... Все это и есть долгое возвращение домой, в то счастливое место, где человек обретает покой душевный.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© А. А. Никифоров, перевод, 2004
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-16604-2 (книга 1)
ISBN 978-5-389-16603-5 (комплект)

*Эта книга посвящается моему мужу Грэму,
служившему в Горской дивизии,
а также Гордону, Джудит и всем нам,
чья молодость пришла на те далекие годы*

Муниципальная школа Порткерриса стояла на крутом склоне холма, у подножия его пролегли центральные улицы этого городка, а на вершине начинались уже необитаемые вересковые пустоши. Это было внушительное викторианское сооружение из гранитных блоков, над тремя входными дверями которого виднелись обозначения: «Мальчики», «Девочки» и «Дети до семи лет» — наследие тех времен, когда в школах мальчики и девочки учились отдельно. Окруженная асфальтированной игровой площадкой и кованой железной оградой, школа имела довольно неприветливый, даже грозный вид. Однако в этот декабрьский день, уже клонившийся к вечеру, она вся сияла светом, а из распахнутых дверей наружу выплескивался поток оживленных ребятешек — ранцы за спиной, в руках мешки для сменной обуви, воздушные шары и полные конфет бумажные кульки. Выбегая из дверей небольшими группками, дети толкались, смеялись, весело дразнили друг дружку, испуская пронзительные вопли, пока наконец не рассеивались в разные стороны, расходясь по домам.

Всему этому оживлению и восторгу было две причины. Во-первых, закончился осенний триместр, а во-вторых, в школе только что отметили Рождественский праздник. Собравшись в актовом зале, ребята

развлекались песнями и эстафетой, в которой бегуны хватали и передавали друг другу мешочки с бобами; под глухие металлические звуки старого школьного пианино танцевали «Сэр Роджер де Каверли»¹; пили чай с разными лакомствами: пирожными, вареньем, шафранными кексами; в завершение всего, выстроившись в ряд, по очереди пожимали руку директору — мистеру Томасу, желали ему веселого Рождества и получали в подарок по пакету со сладостями.

Эта праздничная программа без изменений повторялась из года в год, но каждый раз ожидалась с нетерпением и приносила много радости.

Мало-помалу бурлящий детский поток оскудел до зыбкого ручейка, состоявшего из тех, кто задержался в школе, разыскивая потерянные варежки или куда-то запропастившийся ботинок. Самыми последними, как раз когда школьные часы пробили без четверти пять, вышли на улицу две четырнадцатилетние девочки — Джудит Данбар и Хетер Уоррен, обе в темно-синих пальто, резиновых сапожках и натянутых на уши шерстяных шапках. Кроме одежды, однако, в них не замечалось ни малейшего сходства. Джудит была белокурая, голубоглазая, волосы заплетены в две толстые коротенькие косички, лицо в веснушках. Хетер унаследовала внешность от своего отца, далекого потомка испанского матроса, которого после разгрома знаменитой «армады»² морские волны вынесли на корнуольский³ берег, — у девочки была золотисто-оливковая кожа и черные как смоль волосы, а ее темные глаза сверкали, словно пара сочных изюминок.

¹ «Сэр Роджер де Каверли» — старинный английский танец.

² Имеется в виду т. н. Непобедимая армада — испанский флот, отправленный в 1588 г. королем Филиппом II на завоевание Англии.

³ Полуостров Корнуолл — юго-западная оконечность Англии.

С уходом из школы эти две любительницы вечеринок припозднились по той причине, что Джудит, навсегда покидавшая порткеррисскую школу, должна была попрощаться не только с мистером Томасом, но и со всеми другими учителями, а также и с миссис Треурт, школьным поваром, и со стариком Джимми Ричардсом, в чьи скромные обязанности входило поддерживать огонь в топке школьной котельной и чистоту в уборных, располагавшихся во дворе.

Но вот уже больше не с кем было прощаться — две подруги пересекли игровую площадку и вышли из школьных ворот. Пасмурный день рано и незаметно перешел в сумерки, закрапал мелкий дождик, мерцающая редкими каплями в отсветах горящих уличных фонарей. Черная сырая улица бежала вниз по склону холма, поблескивая отраженным светом. Девочки стали спускаться в город. Минуту-другую обе хранили молчание. Наконец Джудит вздохнула.

— Да... Вот и все, — произнесла она с такой интонацией, словно подводила итог всей жизни.

— Странное это, наверно, чувство — знать, что уже не вернешься сюда.

— Да. Но еще более странно, что мне так грустно... Никогда не думала, что буду грустить, уходя из школы, все равно из какой.

— Без тебя все будет по-другому.

— И у меня без тебя тоже все будет по-другому. Но тебе повезло — у тебя все же останутся подруги: Элейн и Кристин. А мне придется начинать все заново, пытаться найти себе новых друзей в «Святой Урсуле». И носить их форму.

Хетер сочувственно промолчала. Форма — это, пожалуй, самое неприятное. В порткеррисской школе все ходили в своей одежде, и было так весело смотреть на разноцветные свитера и яркие ленты у девочек в волосах. Но частная закрытая «Школа Святой Ур-

сулы» была до архаичности старомодным заведением. Девочки там должны были носить темно-зеленые твидовые пальто, толстые коричневые чулки и темно-зеленые шляпки; этот безобразный наряд вмиг превращал самую хорошенькую в дурнушку. Большая часть учениц находилась в школе на «полном пансионе», то есть возвращалась домой только на каникулы; были и такие, кто каждый день после занятий уезжал домой. Несчастливым «каждодневкам» нельзя было позавидовать, когда они оказывались в одном автобусе с Джудит, Хетер и их соучениками: девочки из «Святой Урсулы» в своем дурацком наряде неизменно вызвали насмешки и издевательства. Горько было сознавать, что Джудит вынуждена стать одной из этих недотрог и зазнаек.

Но страшнее всего перспектива интернатской жизни. Семья Уорренов была необычайно дружной и сплоченной, Хетер и представить себе не могла худшей доли, чем оказаться вдали от родителей и двух старших братьев — походивших на отца красивых брюнетов. В порткеррисской школе они славились своими хулиганскими проделками и нескончаемыми проказами, но, когда перешли в окружную школу в Пензансе, тамошний грозный директор немного их приструнил. Но и теперь с ними было по-прежнему весело и интересно; это братья научили Хетер плавать, гонять на велосипеде, ловить неводом скумбрию с их деревянной лодки. А с девчонками разве можно придумать что-нибудь интересное? Не важно, что «Школа Святой Урсулы» находится в Пензансе, всего в десяти милях отсюда: десять миль — это так далеко, если рядом нет мамы и папы, Пэдди и Джо.

Так или иначе, у бедняжки Джудит, похоже, не было выбора. Ее отец работал в Коломбо, на Цейлоне, и целых четыре года Джудит с матерью и маленькой сестрой жили без него. Теперь миссис Данбар и Джесс

возвращались на Цейлон, а Джудит оставалась здесь, и совершенно неясно было, когда она снова увидится с матерью.

Но слезами горю не поможешь, бывало, говаривала миссис Уоррен, и Хетер стала спешно придумывать для подруги что-нибудь ободряющее.

— Все-таки ты будешь выбираться отсюда на каникулы.

— Да уж, к тете Луизе!

— Ну ладно тебе, хватит хандрить! По крайней мере, будешь жить здесь, в Пенмарроне. Представь, что твоя тетя жила бы где-нибудь далеко, в какой-нибудь кошмарной глуши в центре страны или в каком-нибудь городе, где бы ты никого не знала. А так мы можем видаться друг с другом. Приедешь сюда, и мы сходим на пляж или в кино.

— Ты уверена?

Этот вопрос озадачил Хетер.

— Насчет чего?

— Ну... я хочу сказать: ты уверена, что захочешь дружить со мной, как раньше? Я же буду из «Святой Урсулы», и все такое... Ты не станешь считать меня противной зазнайкой?

— Не говори ерунды! — Хетер нежно поддала ей сумкой со сменной обувью. — За кого ты меня принимаешь?

— Хоть какая-то отдушина будет.

— Ты говоришь так, будто садишься в тюрьму.

— Ты и сама все прекрасно понимаешь.

— Расскажи лучше о доме своей тети.

— Он здоровенный, стоит на вершине холма, к нему примыкает большое поле для гольфа. А внутри там полно всяких медных подносов, тигриных шкур и слоновьих ног.

— Каких-таких слоновьих ног?!

— Ну, там такие подставки для зонтиков.

— Мне бы там вряд ли понравилось... Но тебя же никто не заставляет смотреть на все это целый день. У тебя ведь будет своя комната?

— Да, отдельная комната. Она выделила мне лучшую из всех свободных комнат. Со своим умывальником. И места достаточно, чтобы поставить письменный стол.

— Уже неплохо. Не понимаю, из-за чего ты устроила трагедию.

— Я не устраиваю трагедии. Просто это не дом, не мой дом, понимаешь? К тому же там холодно, мрачно и вечно дует ветер. Недаром дом называется Уиндиридж¹: даже когда повсюду в округе абсолютное безветрие, окна у тети Луизы дрожат, как в настоящую бурю.

— Страшновато.

— К тому же дом стоит совсем на отшибе, до ближайшей автобусной остановки две мили. А у тети Луизы не будет времени возить меня на машине: она вечно играет в гольф.

— Может, она и тебя научит?

— Очень смешно.

— По-моему, тебе нужен велосипед. Чтобы ты могла ездить куда и когда угодно. Ведь по верхней дороге до Порткерриса всего каких-нибудь три мили.

— Гениальная идея!

— Понять не могу, почему ты до сих пор без велосипеда. Мне папа подарил его еще четыре года назад, когда мне было десять. Он, конечно, не очень подходит для этих чертовых холмов, но там, где ты будешь жить, велосипед — то, что надо.

— А он очень дорого стоит?

— Новый — фунтов пять. Но можно взять и подержанный.

¹ Букв.: «горный кряж, обдуваемый ветром».

— Моя мама не слишком-то разбирается в этих вещах.

— Не меньше, чем любая другая. Но сходить в магазин и купить велосипед — не бог весть какая премудрость. Попроси, чтобы она подарила тебе на Рождество.

— Я уже попросила у нее в подарок вязаный жакет с высоким воротником.

— Ну и велосипед попроси в придачу.

— Нет, я так не могу.

— Почему? Вряд ли у нее хватит духу отказать. Она же уезжает и даже не знает, когда вы увидите снова, — так что купит тебе все, что ты пожелаешь. Куй железо, пока горячо, — закончила Хетер еще одной излюбленной поговоркой миссис Уоррен.

— Посмотрим, — уклончиво ответила Джудит.

Они умолкли, продолжая свой путь, слушая звонкое шлепанье собственных шагов по мокрой мостовой. Прошли мимо закуской, ярко горящей веселым светом в вечерней тьме, и слюнки потекли: из открытой двери пахло растопленным жиром и уксусом.

— Эта миссис Форрестер — сестра твоей матери?

— Нет, отца. Она намного старше его, ей что-то около пятидесяти. Она жила в Индии, оттуда и та слоновья нога.

— А ее муж, твой дядя?

— Он умер. Она вдова.

— У них есть дети?

— Нет. Кажется, у них никогда не было детей.

— Странно. Как ты думаешь, это потому, что они сами не хотели, или у них что-то... не получалось? У моей тети Мэй нет детей, и папа однажды сказал, что у дяди Фреда «нету этого самого». Как ты думаешь, что он имел в виду?

— Не знаю.

— Может, это как-то связано с тем, что нам сказала Нора Эллиот? Помнишь, тогда у велосипедного сарая?

— Она все сочинила.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что это слишком отвратительно, чтобы быть правдой. Только Нора Эллиот могла выдумать такую гадость.

— Может, оно и так...

К этой щекотливой, но увлекательной теме подруги возвращались не раз, но, пытаясь обсуждать ее, так и не приходили ни к какому дельному выводу, если не считать того, что от Норы Эллиот вечно дурно пахнет и одежда у нее никогда не бывает чистой. Впрочем, было уже не время распутывать эту загадку, так как за разговором они незаметно спустились в центр города, к публичной библиотеке, где их пути разошлись. Хетер предстояло направиться в сторону пристани по сужающимся улочкам и неудобным для ходьбы мощеным переулкам, пока дорога не доведет ее до квадратного гранитного дома, на втором этаже которого, над бакалейной лавкой ее матери, жили Уоррены. А Джудит — взбираться на следующий холм и поворачивать к железнодорожной станции.

Окутанные мозглой пеленой измороси, они встали под фонарем и повернулись друг к другу.

— Ну что ж, тогда будем прощаться.

— Будем прощаться.

— Ты можешь мне написать. Адрес у тебя есть. И звони к нам в магазин, если что-то будет нужно. Ну там... договориться о встрече на каникулах и так далее.

— Обязательно.

— Наверно, эта школа не так уж и плоха.

— Надеюсь.

— Ну, тогда пока.

— Пока.

Но ни та, ни другая не двинулись с места и все так же стояли, повернувшись лицом друг к другу. Четыре года они были подругами, и теперь настало горькое, печальное мгновение. «Приятного тебе Рождества», — проговорила Хетер. Снова повисла пауза. Внезапно Хетер наклонилась и поцеловала подругу в щеку, на которой блестели капли дождя. И, не говоря больше ни слова, отвернулась и побежала по улице. Звук ее шагов становился все глуше и глуше, пока окончательно не растворился в сумраке. Только после этого, с чувством какой-то утраты, Джудит продолжила в одиночестве свой путь — поднялась в гору по узкой мостовой и прошла мимо расположенных друг напротив друга магазинчиков, празднично освещенных и украшенных к Рождеству: коробки с мандаринами обернуты мишурой, флаконы с ароматическими солями для ванн перевязаны алыми ленточками. Даже хозяин скобяной лавки внес свой скромный вклад в праздничные приготовления — прилепил к жуткому молотку-гвоздодеру побег искусственного остролиста и карточку с начертанным от руки пояснением: «Полезный и недорогой подарок».

Джудит прошла мимо последнего магазина, на самой вершине холма; это было местное отделение книготорговой фирмы «В. Х. Смит», где ее мать ежемесячно покупала свежий номер модного журнала «Вог», а по субботам брала очередную книгу для чтения. Теперь дорога выровнялась, дома попадались реже, и властно заявил о себе ветер. Напитанный влагой, он налетал легкими порывами, бросая в лицо Джудит клубы сырого тумана. Принося с собой рокот бурунов, разбивающихся о пляжный берег далеко внизу, этот ветер вызывал в сочетании с темнотой совершенно особенное ощущение.

Немного погода она остановилась, облокотившись о низкое гранитное ограждение, чтобы перевести дух после трудного подъема. Впереди расплывчатая вереница домов уходила вниз, к темной, похожей на кубок гавани; ведущая туда дорога была обведена извилистым ожерельем огней уличного освещения. В море поблескивали красные и зеленые огоньки рыболовных судов, отражаясь в чернильно-темной воде. Далекий горизонт скрывался во тьме, и казалось, что беспокойный, бурливый океан уходит в бескрайнюю даль. Маяк вдалеке мигал предупредительными сигналами: одна короткая вспышка, затем две долгие. Джудит представила неутомимые буруны, налетающие на его скалистое основание.

Она поежилась. Долго на холодном, влажном ветру не простоишь. Поезд отходит через пять минут. Она побежала, мешок с обувью ритмично застукал ей по боку. Подскочила к гранитной лестнице, спускающейся к станции, и слетела вниз по ступенькам с уверенной небрежностью многолетней привычки.

Коротенький состав, бегающий по местной железнодорожной ветке, дожидался у перрона. Локомотив, три вагона третьего класса, один — первого и кондукторский вагон. Джудит не нужно было покупать билет — у нее школьный сезонный проездной; да и мистер Уильям, проводник, знал ее, как родную дочь. Машинист Чарли тоже знал Джудит и был настолько любезен, что всегда задерживался на остановке в Пенмарроне по утрам, если девочка, выходя в школу, запаздывала к поезду; поторапливая ее, он гудел в свой свисток, пока она вприпрыжку неслась через сад у их дома, носившего название «Риверью-хаус».

Ей будет недоставать этих путешествий в школу и обратно на маленьком поезде: трехмильный маршрут, проходящий вдоль береговой кромки, давал возможность насладиться великолепным пейзажем. Сей-

час было слишком темно, и Джудит не могла любоваться им, но знала, что там, за окном, все на своих местах. Утесы и обширные вырубки, бухты и пляжи, прелестные коттеджи, виднеющиеся вдали миниатюрные дороги и крохотные поля, которые весной зажелтеют нарциссами. А потом песчаные дюны и огромное пустынное взморье, которое она привыкла считать своим.

Нередко люди жалели Джудит, узнав о том, что она живет без отца, который работал на другом конце света в крупной судоходной компании «Уилсон—Маккинон». Как ужасна безотцовщина! Скучает ли она по отцу? Каково это — когда в доме нет мужчины, даже в выходные? Когда они снова будут вместе? Когда он вернется домой?

Она никогда не могла дать на подобные вопросы какой-то определенный, четкий ответ — не хотела обсуждать эти вещи, да и сама толком не понимала, что чувствует на самом деле. Единственное, что она твердо знала, это то, что так будет всегда, ибо такова судьба всех английских семей из Британской Индии, в которых дети с ранних лет принимали как факт неизбежность расставаний и долгих разлук.

Джудит родилась в Коломбо и жила там до десяти лет — на два года дольше, чем обыкновенно позволяли оставаться в тропиках детям из британских семей. За все эти годы Данбары лишь однажды ездили домой, в папин «большой отпуск», но Джудит тогда было всего четыре года, и воспоминания об этих каникулах в Англии с течением времени затуманились в ее памяти. Она никогда не ощущала Англию своей родиной, своим домом. Настоящим домом был для нее Коломбо, просторное бунгало с зеленым садом на Галле-роуд, отделенное от Индийского океана однопутной железнодорожной линией, идущей к югу до города Галле. Из-за близости моря, с которого постоянно

дул свежий бриз, несший с собой буруны, самая сильная жара казалась нестрашной, а в доме создавали приятную прохладу деревянные лопасти укрепленных на потолке вентиляторов.

Но неминуемо настал тот день, когда они вынуждены были сказать всему этому «прощай». Оставить дом и сад, служанку Аму, дворецкого Джозефа, старика-тамила — садовника. И попрощаться с папой. «Почему мы должны уезжать?» — не переставала спрашивать Джудит, даже когда он вез их на машине в гавань, где стояло на якоре, уже разводя пары, судно «Пи энд Оу»¹. «Потому что время пришло, — ответил отец, — всему свое время». Ей не было сказано, что мама беременна, и только по окончании трехнедельного морского путешествия, когда они снова оказались в пасмурной Англии, Джудит была посвящена в тайну: в семье скоро появится малыш.

Поскольку им, собственно говоря, некуда было возвращаться, тетя Луиза, проинструктированная своим братом Брюсом, взяла дело в свои руки; она отыскала Ривервью-хаус и сняла дом вместе с обстановкой. Вскоре после того как они водворились в новом жилище, в порткеррисской больнице появилась на свет Джесс. И вот для Молли Данбар пришло время возвращаться в Коломбо. Джесс ехала с ней, а Джудит оставляли здесь. Она им страшно завидовала.

Они прожили в Корнуолле четыре года. Почти треть ее жизни. И в общем это было хорошее время. Дом был удобный, места хватало всем, к нему примыкал большой, довольно запущенный, с яблоневою рощей сад, спускавшийся по склону холма множеством террас, газонов, каменных ступеней.

¹ Сокр. от *англ.* Peninsular and Oriental — Пиренейско-Восточная пароходная линия (маршрут, соединяющий Англию через Средиземное море со странами Юго-Восточной Азии).

А лучше всего была свобода, которой наслаждалась Джудит. У Молли, занятой новым ребенком, не хватало времени, чтобы присматривать за старшей дочерью, поэтому Джудит была предоставлена самой себе. Кроме того, по природе своей слишком нервная, вечно дрожащая за своих детей мать, Молли скоро поняла, что сонная деревушка Пенмаррон, рядом с которой они проживали, и ее мирные окрестности не представляют никакой угрозы для ребенка.

Полная первооткрывательского духа, Джудит стала совершать пробные, нерешительные вылазки за пределы сада, пока наконец железнодорожная линия, соседнее фиалковое хозяйство и берега морского рукава не превратились в ее игровую площадку. Осмелев, она отыскала дорожку, которая вела к церкви одиннадцатого века с колокольной — прямоугольной башней в нормандском стиле — и потрепанным ветрами кладбищем с древними, замшелыми надгробиями. Как-то раз, когда она присела на корточки перед одним из них, сию секунду разобрать выгравированную на камне надпись, к ней незаметно подошел приходский священник, которому польстило любопытство девочки. Он пригласил Джудит внутрь церкви, поведал некоторые эпизоды из ее истории, показал особенности архитектуры, убранства и скромные храмовые богатства. Затем они поднялись на верх башни, и священник показал девочке раскинувшиеся внизу окрестности. Перед Джудит словно открылся целый мир — в виде огромной, волшебной раскрашенной карты: фермерские земли, похожие на лоскутное одеяло, — то зеленый бархат пастбищ, то коричневый рубчатый вельвет пашни; далекие холмы, на которых тут и там высились древние, сооруженные из камней в незапамятные времена памятники-пирамиды; отражающий небесную синеву морской рукав, похожий на громадное озеро, — сходство мнимое, ибо его воды поднимались

и отступали вместе с морскими приливами и отливами, и с морем он соединялся глубоководным протоком, который именовался Каналом. В тот день приливное течение Канала было окрашено в цвет индиго, а гладь океана сверкала бирюзой и на пустынное побережье накатывали зеленовато-голубые волны. К северу, в сторону скалы, на которой стоял маяк, протянулась вдоль берега длинная изогнутая полоса дюн, в море виднелись рыбацкие шхуны, в небе кричали чайки.

По словам священника, церквушку построили на этом холмике над взморьем для того, чтобы колокольная служила путеводным знаком, береговым ориентиром для кораблей, и нетрудно было представить, как в старину сюда приплывали галеоны с надутыми парусами и вместе с приливной волной двигались вверх по течению.

Постепенно узнавая новые места и достопримечательности, Джудит знакомилась и с местными жителями. Корнуолльцы обожают детей, и, где бы она ни появлялась, ее всюду ожидал такой радушный прием, что свойственная ей застенчивость скоро исчезла без следа. В деревне не было недостатка в интересных людях. Миссис Берри, хозяйка местного магазинчика, которая готовила самодельное мороженое из заварного крема-концентрата; старик-угольщик Херби со своей тележкой; почтальонша миссис Саути, которая, дабы защититься от бандитов, загородила свою конторку каминной решеткой и редко когда давала за почтовую марку правильную сдачу.

Были и другие, еще более занятные люди, жившие особняком. К примеру, мистер Уиллис. Он немалую часть жизни проработал на оловянных рудниках в Чили, но в конце концов после многих лет странствий и приключений вернулся в родной Корнуолл и поселился в деревянной хибаре, что примостилась на пес-

чанных дюнах над берегом Канала. Узкая прибрежная полоса перед его неприхотливым жилищем была усеяна морским мусором, среди которого попадались всякие любопытные штуки: обрывки каната, сломанные ящики из-под рыбы, бутылки и полусгнившие ботинки. Однажды мистер Уиллис столкнулся там с Джудит, занятой поиском раковин, они разговорились, и он пригласил ее к себе в хибару на чашку чая. После этого она всегда старалась увидеться и поговорить с ним.

Мистера Уиллиса, впрочем, ни в коем случае нельзя было назвать бездельником, у него было целых две работы. Одна состояла в том, чтобы следить за приливами и отливами и давать сигнал, когда вода поднималась настолько, что груженные углем суда могли пройти через отмель. А кроме того, он служил перевозчиком. Снаружи дома он привесил рынду с какого-то старого корабля, в которую должен был позвонить всякий желающий перебраться на другой берег Канала. Заслышав сигнал, Уиллис выходил из своей хибары, выволакивал свою непослушную гребную шлюпку вниз на берег и садился за весла. За эту услугу, сопряженную для пассажиров с неудобством и даже опасностью, когда случалось плыть во время бурного отлива, перевозчик взимал два пенса.

Он жил с миссис Уиллис, но она работала дояркой у живущего в деревне фермера и подолгу не бывала дома. Ходили слухи, что она вовсе и не миссис Уиллис, а мисс какая-то, и никто с ней особенно не разговаривал. Загадка миссис Уиллис была как-то связана с тайной дяди Хетер, Фреда, у которого «не было того самого», но стоило Джудит затронуть эту тему с матерью, как та поджимала губы и заговаривала о чем-нибудь другом.

Джудит никогда не рассказывала матери о своей дружбе с мистером Уиллисом. Интуиция подсказы-

вала ей, что той вряд ли понравятся их отношения, и уж во всяком случае она запретит дочке навещать мистера Уиллиса и пить чай у него в хибарке. Какая нелепость! Разве может мистер Уиллис причинить кому-нибудь вред?

Да и вообще маме частенько не хватало здравого смысла. Например, она обращалась с Джудит точно так же, как с четырехлетней Джесс. В свои четырнадцать Джудит считала себя уже достаточно взрослой, для того чтобы обсуждать все важные дела, которые имели к ней непосредственное отношение.

Однако мама никогда ничего с ней не обсуждала — она просто сообщала готовые решения.

— Я получила письмо от отца — нам с Джесс придется вернуться в Коломбо.

Сногсшибательное, мягко выражаясь, известие.

Но это еще что!

— Мы решили отправить тебя в «Школу Святой Урсулы», на полный пансион. Директрису зовут мисс Катто, я была у нее на приеме и обо всем договорилась. Пасхальный триместр начинается с пятнадцатого января.

Будто Джудит была посылкой, которую нужно отправить по назначению, или псом, которого сажали на цепь.

— А как же каникулы?!

— Во время каникул ты будешь жить у тети Луизы. Она очень любезно предложила позаботиться о тебе, пока мы будем за границей. Она собирается отвести тебе лучшую из свободных комнат в доме, и ты можешь взять туда свои вещи.

Это было, пожалуй, самое страшное. Не то чтобы Джудит не любила тетю Луизу. Когда во время папиного отпуска они приехали из Коломбо в Пенмаррон, то много времени проводили вместе с ней и ничего, кроме добра, от нее не видели. Просто она, с ка-

кой стороны ни глянь, не такая, как надо. Старая — по крайней мере за пятьдесят лет, с ней как-то страшно-вато и неловко. И Уиндиридж — дом пожилого человека, во всем там правильность, порядок и спокойствие. Сестры Эдна и Хильда — повариха и горничная в Уиндиридже — обе в преклонных годах, угрюмы и неразговорчивы, ни капельки не похожи на милую Филлис, которая и по дому все делала в Ривервью-хаусе, и успевала поиграть с Джудит за кухонным столом в скачущего чертика или погадать на чайном листе.

Может статься, нынешнее Рождество они проведут у тети Луизы. Сначала сходят в церковь, потом будет обед с жарким из гуся, а после, пока не стемнеет, прогулка по полю для гольфа до белых ворот, стоящих высоко над морем.

Не ахти какое веселье, но в свои четырнадцать лет Джудит уже и не ожидала ничего необыкновенного. Казалось бы, все должно было быть так, как в книжках и на рождественских открытках, но в действительности так не бывало никогда, потому что мама вела себя совсем не по-праздничному, неизменно демонстрируя угрюмое нежелание украшать дом ветками остролиста или наряжать елку. Вот уже второй год она обходилась без традиционного рождественского чулка для подарков и твердила Джудит, что та уже слишком большая для таких забав.

Если разобраться, думала Джудит, «забавы» — вообще не мамина стихия. Она не любила пикников на пляже и всеми силами старалась предотвратить празднование дней рождения. Она даже боялась водить автомобиль. Разумеется, у них была машина, малюсенький обшарпанный «остин», но мама выискивала любой предлог, лишь бы не выводить ее из гаража, — она была убеждена, что врежется в кого-нибудь, не справится с тормозами или забудет переключить скорость у подъема на холм.

Что касается Рождества, то, как бы там ни обернулось нынче, Джудит была уверена, что будет все же лучше, чем тогда, два года назад, когда по настоянию мамы они гостили у ее родителей — его преподобия и миссис Эванс.

Дедушка был священником крошечного прихода в Девоне, а бабушка — дряхлой старой леди, которая всю жизнь сражалась с благородной нищетой и с рассчитанными на огромные, многодетные викторианские семьи домами, которые церковная администрация предоставляла ее мужу в качестве жилья. Они с бабушкой без конца ходили в церковь, а на Рождество бабушка подарила Джудит молитвенник. «Ой, бабушка, спасибо тебе огромное, мне всегда хотелось молитвенник», — вежливо поблагодарила Джудит. Хотя и не так чтобы уж очень хотелось. Эту последнюю часть своей мысли она не произнесла вслух. К тому же Джесс, которая вечно умудрялась все испортить, заболела крупом; мама все время была с ней, и чуть ли не каждый божий день подавался компот из инжира, а вместо пудинга — бланманже.

Ну нет, только не это.

Что бы там ни было (как собака к своей лакомой косточке, Джудит мысленно вернулась к первоначальной причине своего уныния), все эти неприятности были ничто по сравнению со «Святой Урсулой». Джудит даже не побывала в самой школе, не видела мисс Катто, которая могла оказаться настоящим чудовищем. Может быть, мама боялась вспышки неповиновения с ее стороны и поэтому устроила все так быстро и без ее участия, чтобы поставить дочь перед уже свершившимся фактом? Но в этом не было никакого смысла: можно подумать, Джудит когда-нибудь прекословила или бунтовала. Может, теперь, когда ей уже четырнадцать, стоит попробовать? Вот Хетер Уоррен всегда умела добиться своего — крутила и вертела сво-

им отцом как хотела. Но отцы у них разные, у Джудит сейчас, вообще-то говоря, отца и нет.

Поезд замедлил ход. Он нырнул под мост (всегда можно сказать об этом наверняка по тому, как меняется звук стучащих колес) и, с шипением затормозив, остановился. Джудит подхватила свои вещи и вышла на платформу перед крошечным, с массой причудливых резных украшений, деревянным вокзалом, похожим на павильон для игры в крикет. В просвете открытой двери вырисовывался темный силуэт начальника станции мистера Джексона.

- Привет, Джудит. Ты сегодня припозднилась.
- У нас в школе был праздник.
- Здрóрово!

Теперь она почти уже дома — станция находилась буквально в двух шагах от нижних ворот, ведущих в сад Ривервью-хауса. Джудит прошла через зал ожидания, в котором всегда немилосердно пахло уборной, и очутилась на неосвещенной дорожке за вокзалом. Помедлив минутку, чтобы дать глазам привыкнуть к темноте, она поняла, что дождь прекратился. В макушках сосен, рошица которых, как стена, защищала станцию в разгул ненастья, завывал ветер. Жутковатый звук, но Джудит не было страшно. Она перешла через дорогу, нащупала на воротах щеколду; отодвинув ее, вошла в сад и стала подниматься по крутой дорожке, взбирающейся по каменным ступенькам и уступам террас. Впереди, на вершине, темнели очертания дома, через занавешенные окна пробивался приветливый свет. Висящий над главным входом расписной фонарь был зажжен, и в его свете Джудит увидела, что на гравийной площадке перед домом стоит какая-то машина. Ну конечно, это тетя Луиза заехала на чашку чая.

Большой черный «ровер». Сейчас он выглядел вполне невинно и безобидно — солидный, респекта-

бельный автомобиль. Но любому, кто отваживался выйти или выехать на узкие дороги западного Пенуита¹, стоило иметь в виду, что внешний вид этого автомобиля обманчив, поскольку у него мощный двигатель, а тетя Луиза, несмотря на то что была добропорядочным гражданином, столпом гольф-клуба и регулярно посещала церковь, становилась словно другим человеком, стоило ей сесть за руль; она вписывала ревущий «ровер» в крутые повороты на пятидесяти милях в час, очевидно вполне уверенная в том, что раз она держит руку над кнопкой сигнала, то не является нарушителем с точки зрения буквы закона. Поэтому, если ей случалось задеть бампером крыло другого автомобиля или переехать чью-нибудь курицу, она не допускала даже мысли о своей виновности и так яростно насакивала на пострадавшую сторону, что перед ней обычно пасовали и спешили ретироваться без каких-либо претензий.

Джудит не хотелось встречаться с тетей Луизой. Поэтому она не стала входить в дом с главного входа, а обошла его сбоку и через двор и судомойню проникла в кухню. Там она увидела Джесс, сидящую с книжкой-раскраской и цветными карандашами за выскобленным кухонным столом, и Филлис, которая в своей дневной рабочей униформе — зеленом платье и муслиновом переднике — утюжила лежавшую перед ней грудой чистую одежду.

После уличного холода и сырости кухня показалась восхитительно теплой. Впрочем, она и была самым теплым местом в доме, так как в ней непрерывно горела плита с круглыми медными ручками и графитным покрытием. Вот и сейчас на медленном огне тихонько попыхивал чайник. Напротив плиты стоял кухонный шкаф, заставленный разнообразной посудой — блюдами для мясных кушаний, салатницами,

¹ *Пенуит* — область в графстве Корнуолл.

супницами, — а рядом располагалось плетеное кресло, в которое, чтобы дать отдых ногам, тяжело опускалась Филлис, когда у нее выпадала свободная минутка, что случалось нечасто. Приятно пахло теплой отглаженной тканью, на протянутой под потолком веревке сушилось выстиранное белье.

Филлис подняла глаза на вошедшую Джудит:

— Привет. Что это ты крадешься с черного хода?

Она улыбнулась, обнажив свои далеко не идеальные зубы. Филлис была плоскогрудой костлявой девушкой с бледной кожей и прямыми бесцветными волосами, но Джудит не встречала еще человека с таким золотым сердцем.

— Я увидела машину тети Луизы.

— Ну и что?.. Как прошел праздник в школе?

— Хорошо. — Она достала из кармана пальто пакет со сладостями. — Вот, Джесс, это тебе.

Джесс оставилась на пакет:

— Что это?

Она была симпатичной пухленькой блондинкой, но такой глупышкой! Это постоянно выводило Джудит из себя.

— Конфеты, глупенькая, что же еще!

— Я люблю фруктовые леденцы.

— Так посмотри, что там.

Джудит стянула пальто и шерстяную шапку и бросила их на стул.

— Не знала, что тетя Луиза приедет на чай.

— Она позвонила по телефону, часа в два.

— О чем они говорили?

— Об одной любопытной девчонке.

— Обо мне, наверно.

— О тебе и о той школе, о всяких формальностях, о плате, о каникулах, о том, куда надо позвонить. Кстати, утром звонила тетя Бидди. Разговаривала минут десять с твоей матерью.

Литературно-художественное издание

РОЗАМУНДА ПИЛЧЕР

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Книга 1

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валерий Камендо, Елена Шнитникова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 17.05.2019. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 29,6. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1.
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MBB-25064-01-R